

СИМОНОВ Константин Васильевич — кандидат политических наук, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; Kvsimonov@fa.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: КАК НЕ УМЕРЕТЬ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В конце XX в. возникла эйфория относительно стремительного развития политической экспертизы, что выражалось в т. ч. и в создании все новых и новых мозговых центров в разных регионах мира. Политические аналитики стали ощущать себя основными двигателями политического процесса, без которых политики не способны принимать решения и определять стратегический курс. Однако в реальности политические эксперты все больше стали использоваться для легитимации уже принятых решений или же для пропаганды уже заданного вектора общественного развития. Началась девальвация экспертного знания, возникла и концепция замещения экспертов искусственным интеллектом. Однако цифровые технологии могли бы стать не губителем экспертного сообщества, а его реаниматором. Нужно только правильно их применять – а современное состояние политики четко сигнализирует, что без профессиональной экспертизы государства не могут управляться эффективно.

Ключевые слова: политическая экспертиза, политический анализ, бюрократия, экспертократия, технократия, мозговые центры

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

Одной из важнейших тем в рамках эволюции политического процесса следует признать взаимоотношения между политиками и экспертами. После радикального усложнения политики в XIX в. политическая экспертиза стала оформляться как автономный вид деятельности. А после Второй мировой войны политические консультанты и эксперты не просто стали отдельной профессиональной группой, но и превратились в важнейшую часть системы принятия государственных решений. Именно тогда начался бурный рост «мозговых центров» (*think tanks*), которые стали считать себя ключевым элементом политики. Возникла эйфория в связи с тем, что без экспертов уже невозможно эффективное государственное управление. Мозговые тресты видели свою основную функцию даже не в анализе политической ситуации и прогнозировании ее развития, а именно в разработке государственной политики. Казалось, что маятник в отношениях публичных политиков и экспертов окончательно качнулся в сторону последних.

Росло и число самих экспертных центров, причем если раньше они в основном создавались в США и Европе, то затем география стала серьезно расширяться. Об этом говорит известный рейтинг мозговых трестов Пенсильванского университета. В 2011 г. в США насчитывалось 1 815 мозговых центров, в Китае – 425, в Индии – 292, в Великобритании – 286, в Германии – 194. В 2020 г. первая пятерка была уже такой: США – 2 203, Китай – 1 413, Индия – 612, Великобритания – 515, Южная Корея – 412. Еще показательнее, что 679 центров насчитывалось в Африке к югу от Сахары, и еще 599 – на Ближнем

Востоке и Севере Африки¹. При всей специфичности методики отношения организаций к категории *think tank* все-таки определенные тренды данный рейтинг показывает.

Сами мозговые тресты стали предпочитать называть себя «фабриками мысли»². Появились и приятные для экспертов концепции вроде экспертократии [Ашкеров 2009] и даже смыслократии. Получалось, что эксперты задают политические тренды, выполняя роль не просто тайных советников, а скорее реальных формирователей политического курса. Политики, по сути, реализовывали те задумки, которые создавали экспертные корпорации.

Но все это было в теории. Реальность оказалась гораздо жестче по отношению к экспертному сообществу. Мозговые центры стали превращаться не в инструмент экспертизы и подготовки решений, а в инструмент поддержки уже принятых решений. Не случайно в последние годы заговорили даже о своеобразной «эмиссии» мозговых центров, сравнивая их с избыточной денежной массой. Показательны слова Карлин Боуман: «Не происходит ли с мозговыми трестами того же, что и с деньгами Веймарской республики — деньгами без большой ценности? Они обесцениваются, потому что их становится слишком много, а также в силу явно пропагандистского характера некоторых из них»³.

Появился устойчивый термин *advocacy think tanks*, который можно перевести как пропагандистские мозговые центры. Это структуры, которые не создают смыслы, а занимаются пиаром чужих идей и концепций. От смыслократов к пропагандистам — вот грустное описание эрозии политической экспертизы. Символично, что упомянутый рейтинг *think tanks* Пенсильванского университета не выходит с 2021 г. из-за прекращения финансирования (программа функционировала с 1989 г.).

При этом далеко не все политологи признают девальвацию экспертного знания. В политической науке выкристаллизовалось два противоположных подхода к роли экспертов в политике. Причем и тот и другой были в целом комплементарны к экспертному сообществу. Однако грустным парадоксом является то обстоятельство, что оба этих конкурирующих взгляда в реальности запрограммировали превращение экспертов в службу власти.

Первый подход рассматривает экспертов как носителей объективного знания, которые и делятся этим знанием с политиками. Иными словами, эксперт становится объективным, точным и беспристрастным прибором в руках политика, лишаящим себя гражданской позиции и ценностей. Он позволяет принимающим решения политикам получить доступ к объективной информации, что и должно сделать эти решения качественными. Беда в том, что такой эксперт постепенно превращается из «точного прибора» не в инструмент принятия компетентных решений, а лишь в механизм их легитимации. Политики начинают банально прикрываться экспертами.

В перспективе такой подход на самом деле программирует полное исчезновение политической экспертизы. Ее может заменить бюрократия, вооруженная стремительно развивающимися цифровыми технологиями. Интересно,

¹ Последний рейтинг *think tanks* можно найти здесь. — *Bruegel*. Доступ: <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2021/03/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report-Bruegel.pdf> (проверено 03.05.2024).

² Показательно, что именно так перевели на русский книгу Dickson Paul. *Think Tanks*. N.Y., 1971. Причем издана она была в СССР еще в 1976 г.

³ Tevi Troy. *Devaluing the Think Tank*. — *National Affairs*. Winter 2012. Перевод цитаты К. Симонова.

что А. Вилдавски в своей многократно переиздававшейся книге «Говоря правду власти» считал именно бюрократию главным врагом экспертов, поскольку бюрократия предпочитает рутинные процедуры, а не креативное использование инструментов политического анализа [Wildavsky 2017]. Сегодня мы можем говорить о реванше бюрократии. В цифровом мире явно происходит попытка изменить к лучшему репутацию бюрократии и даже назвать ее новыми красивыми терминами – например, алгократией (термин, предложенный американским социологом А. Анишем) – управлением через информационные и программные системы или даже инфократией.

Современные версии технократии, понимаемой как управление через квалифицированных бюрократов с опорой на цифровые технологии, предполагает именно полное исчезновение политической экспертизы, особенно если учесть бурное развитие искусственного интеллекта. Показательно откровенное заявление российского премьер-министра М. Мишустина на лекции «Создаем будущее сегодня» 6 декабря 2023 г.: «Россия должна стать одной из первых стран, которая будет развивать востребованные сервисы для наших граждан и предпринимателей, осуществляя переход на экономику данных. Это когда принятие решений, в том числе экономических, базируется не на экспертных мнениях, прогнозах и оценках, а на основании достоверных данных»¹. Таким образом, руководитель российского правительства фактически убирает экспертов из процесса подготовки и принятия государственных решений и говорит о прямом потреблении технократами из органов власти нужных данных, которые ищут и готовят алгоритмы или искусственный интеллект.

Таким образом, эксперты могут оказаться ненужными даже для легитимации политических решений. Эту функцию тоже возьмет на себя искусственный интеллект.

Второй подход прямо противоположен, но, увы, приводит к таким же печальным результатам. Он основан на вере в делиберативную демократию и концепции соуправления (*governance*)². Эксперты здесь представляются вовсе не как внеидеологические носители объективных знаний, а, наоборот, как раз как создатели или выразители общих ценностей и норм или же как представители интересов отдельных социальных групп. Иными словами, эксперты претендуют на роль идеологов, конструкторов норм и смыслов, на основании которых принимаются политические решения, либо, по крайней мере, они являются посредниками между гражданским обществом и государством (или брокерами, как это красиво называют некоторые политологи).

Но большая проблема в том, как на самом деле формируются эти самые общие нормы и ценности. На самом ли деле это происходит с участием экспертов или же опять их привлекают только для легитимации уже одобренных концепций? Появление и закрепление климатического и инклюзивного мейнстримов, повестки разнообразия (*diversity*) позволяют сделать вывод, что, увы, эксперты здесь выступали именно в качестве пропагандистов, а вовсе не смыслократов. Более того, возможность называть себя экспертом в той или иной области оказывается в прямой зависимости от вашей готов-

¹ Мишустин М.В. «Создаем будущее сегодня» в лектории Российского общества «Знание». – *Сайт Правительства РФ*. 06.12.2023. Доступ: <http://government.ru/news/50333/> (проверено 01.05.2024).

² Хороший разбор западных концепций, выполненных именно в этой парадигме, можно найти в книге «Экспертные сообщества и власть» [Сунгуров 2020].

ности принять ценности, которые становятся фундаментом проводимого политического курса. Попытка предложить иную точку зрения автоматически гарантирует вам обструкцию и статус маргинала. В итоге и в этой парадигме эксперты опять начинают заниматься легитимацией чужой идеологии. Происходит прикрытие научным и экспертным знанием политических и экономических целей элитных групп.

В итоге обе парадигмы приводят к одному итогу: эксперты становятся услугой власти, занимаясь вместо исследований и политического анализа пропагандой чужих выводов. Х. Хекло еще в 1974 г. красиво утверждал, что в основе политического процесса лежит не разрешение конфликтов, а процесс приобретения нового знания [Heclo 1974]. Однако эксперты недолго наслаждались статусом носителей этого знания – став услугой власти, они постепенно привели ее к мысли, что экспертов лучше рассматривать как пиарщиков. А теперь вообще появились предположения, что и с этой функцией лучше справятся «большие данные» или искусственный интеллект.

Получается, что экспертная эйфория меняется на осознание подлинной катастрофы. При этом современное состояние политического процесса показывает очевидные проблемы, которые не могут решить современные политики. Достаточно осознать, что мир сталкивается с вполне реальной перспективой глобального ядерного конфликта. Это означает очевидные проблемы в современной политике, которые лица, принимающие решения, решить пока не способны. Получается, что пренебрежение экспертными знаниями не привело к появлению мира эффективной технократии.

Возможно, это должно привести к реабилитации политических экспертов и пониманию того, что политики еще слишком далеки от умения управлять без помощи носителей специальных знаний и компетенций. А цифровые технологии должны стать не окончательными губителями профессии, а инструментом перезагрузки отношений политиков и аналитиков. Жаль, что этому уделяется слишком мало внимания. Современные цифровые платформы способны создавать реально работающие экспертные сети. Так, Б. Славин справедливо утверждает: «Сетевые технологии позволяют объединить экспертов на единой сетевой платформе, формируя таким образом экспертные сетевые сообщества» [Славин 2023]. Алгоритмы способны учесть компетенции экспертов и подбирать наиболее эффективные группы для решения той или иной задачи.

Политики иллюзорно убеждают себя, что они будут самостоятельно принимать решения, основываясь на данных, предоставленных искусственным интеллектом, а дальше использовать «цифровых бюрократов» – технократов для имплементации данных решений. Однако государственное управление может пойти по альтернативному и более перспективному пути – через развитие коллективного интеллекта. Нужно только отказаться от имитационных форм вовлечения экспертного сообщества в подготовку государственных решений, а также от использования экспертов исключительно для легитимации уже сделанного выбора. Цифровизация – отличный шаг для того, чтобы правильно использовать экспертные компетенции, и это позитивно скажется на качестве политики.

Список литературы

- Ашкерова А. 2009. *Экспертная власть. Управление знаниями*. М.: Европа. 132 с.
Славин Б.Б. 2023. Алгоритмы или экспертная власть: выбор цифровой эпохи. – *Инновации и инвестиции*. № 9. С. 318–322.

Сунгуров А. 2020. *Экспертные сообщества и власть*. М.: Политическая энциклопедия. 231 с.

Hecló H. 1974. *Modern Social Politics in Britain and Sweden: From Relief to Income Maintenance*. New Haven: Yale University Press. xii + 349 p.

Wildavsky A. 2017. *Speaking Truth to Power. Art and Craft of Policy Analysis*. N.Y.: Routledge. 472 p.

SIMONOV Konstantin Vasilyevich, Cand.Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; Kvsimonov@fa.ru)

POLITICAL EXPERTISE: HOW NOT TO DIE IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. At the end of the 20th century there was euphoria regarding the rapid development of political research and analysis. We see the creation of more and more think tanks in different regions of the world. Political analysts began to imagine themselves the main drivers of the political process who determine a strategic course of states. However, in reality political experts began to legitimize decisions already made or to promote an already given vector of social development. It was the start of devaluation of expert knowledge. The discussions about possible substitution of experts by artificial intelligence has been started. However, digital technologies could become not the «killer» of the expert community. They can restart the process of political expertise. You just need to apply them correctly. The status of politics clearly signals that without professional analysis states cannot be governed effectively.

Keywords: political expertise, political analysis, bureaucracy, expertocracy, technocracy, think tanks